

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Н.И. Мартишина

Сибирский государственный университет путей сообщения

Основное направление «лингвистического поворота» при переходе от классической к неклассической философии состояло в обнаружении глубинной активности языка, позволившем в конечном счете оценить связь языка и мышления как отношение взаимной детерминации: с одной стороны, язык является «органическим воплощением мысли»¹, единственной адекватной формой, в которой в конечном счете должен найти свое выражение всякий ментальный результат, с другой – «реальный мир» в значительной степени ... строится на основе языковых норм»². Достижения мышления ищут и находят выражение в языке, а складывающиеся языковые стандарты служат способом закрепления ментальных стереотипов.

Отношение циклической детерминации между когнитивными и языковыми процессами особо значимо в периоды социальных трансформаций. На этапе смены фундаментальных правил социального бытия неизбежно меняются и языковые формы; в результате социальные процессы обеспечиваются необходимыми средствами «означивания», а своевременное, более или менее удачное появление таких средств служит самостоятельным ресурсом социальных преобразований. Не случайно внедрение в массовые дискурсы терминов, неявно актуализирующих позитивный или негативный ассоциативный ряд, связанный с обозначаемым объектом, является одним из наиболее распространенных форм социального программирования, а разработка такого термина рассматривается как самостоятельный и значимый результат деятельности идеолога, политолога, специалиста по рекламе и PR.

Интенсивные преобразования социальной системы в российском обществе в последние десятилетия приобрели вид «новой устойчивости»: трансформация превратилась из потенциально кратковременной фазы между двумя состояниями определенности в самостоятельный период, на протяжении которого стабильно воспроизводится именно состояние постоянной модификации. Это состояние оказывается до определенной степени самоподдерживающимся. Соответственно в нем обозначаются собственные закономерности, коррелирующие с определенными языковыми процессами; последние, в свою очередь, тогда могут быть рассмотрены не как отклонения от

---

¹ Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии // Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. С. 21.

² Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Наука, 1993. С. 261.

нормального развития языка, а как функциональные тенденции, закономерные для данного периода. К наиболее значимым тенденциям языковых изменений в рамках трансформируемой социальной реальности можно, на наш взгляд, отнести следующие.

Если в норме репрезентативное использование языка, т.е. его применение для обозначения объектов и явлений, фиксации относящейся к ним информации, трансляции этой информации в коммуникационных потоках (иными словами, номинативная, коммуникативная, эмоционально-экспрессивная, познавательная функции языка), и его конструирующее использование, т.е. продуцирование посредством языка определенных эмоций, действий, оценок (регулятивная, аксиологическая, мыслеформирующая, омадательная функции), находятся в относительном равновесии, то в периоды социальной трансформации происходит смещение от первого направления использования языка ко второму. Этот эффект отметил, в частности, Э. Кассирер, показав, как описательная составляющая смысла слов замещается эмоциональной: внезапно «Самые обычные слова оказываются насыщенными чувствами, а то и неистовыми эмоциями»³. Нейтральное отображение реальности в знаковой форме обретает эмоционально-ценностную окраску, а трансляция информации перерастает в программирование определенных способов ее восприятия и последующих действий. Ретроспективно это обусловлено быстрым накоплением в условиях социальной трансформации эмоционально окрашенного социального и экзистенциального опыта, связанного с ранее нейтральными объектами и их обозначениями (например, превращением объектов городской среды в места социальных актов, коллективных действий и личного выбора их участников). Перспективно такое превращение связано с сохраняющейся в трансформируемом обществе конкуренцией разнонаправленных политических сил, превращающих обозначения объектов в средства размежевания своих и чужих, трансляторы определенных социальных установок; в этих условиях вопрос о выборе предлога – «в» или «на» определенной территории, написании географических наименований в соответствии с той или иной языковой традицией и т.п. неизбежно переходит из технического в социально-знаковый план.

Помимо возрастания значимости в качестве составляющей языковых процессов, конструирующее применение языка имеет также устойчивую тенденцию к повышению уровня конструирования – от внедрения интерпретационных моментов в содержание гносеологических образов к созданию когнитивных объектов, не имеющих аналогов в реальности, а затем к спецификации самостоятельных (фикциональных) реальностей.

---

³ Кассирер Э. Техника политических мифов // Октябрь. М., 1993. № 7. С. 158.

В принципе конструирование в широком смысле, как активная и ориентированная на достижение заранее определенных параметров деятельность⁴, является неотъемлемой стороной любого мыслительного акта, поскольку гносеологический образ формируется как отличный от репрезентируемого им объекта. Соответственно когнитивное конструирование нормативно для любого познания и реализуется в трех основных вариантах. На базовом уровне конструирование является достройкой гносеологического образа путем элиминации одних и введения в состав представления об объекте других элементов (к этому уровню относятся абстрагирование, выделение общей закономерности, восстановление истории объекта, прогноз относительно его развития дополняют его непосредственное отображение). В более сложных случаях конструирование создает новые объекты, не являющиеся прямыми репрезентантами объектов физической реальности (научные абстракции уровня конструктов, художественные образы). На высшем уровне конструирования такие объекты соединяются, образуя относительно самостоятельную онтологию, в рамках которой определяются самостоятельные закономерности (научная реальность, художественная реальность). Разумеется, все эти процессы невозможны без поддержки их языком, и когнитивное конструирование всегда реализуется в знаковой среде. Но когда конструктивные возможности языка попадают в пространство активного социального запроса, естественное протекание указанных процессов резко усиливается и становится в значительной степени манипуляционным. Именно через точно подобранные языковые обозначения формируются требуемые образы субъектов социальной реальности – вспомним, например, внедрение обозначения «иностранный агент» для обозначения организаций, занимающихся политической деятельностью и получающих финансирование из-за рубежа; как отмечает Н. А. Купина, эффект применения данного термина состоит в том, что: «Идеологическая маркированность оказывается сильнее функционально-стилистической и поглощает последнюю»⁵. То же относится к выражению «креативный класс», возникшему как самоназвание представителей профессий, творческий элемент в составе которых на самом деле существенно преувеличен, зачастую уступая действию по отработанным образцам с определенными извне целями. В конечном счете накопление таких маркировок, трансформирующих объективную реальность в программируемых направлениях, ведет к качественному сдвигу – возникновению альтернативной социальной реальности и «переселению» в этот

---

⁴ См. об этом подробнее: Мартишина Н. И. Категория конструирования: за пределами технической интерпретации // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. Вып. 25. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2011. С. 25 – 31.

⁵ Купина Н. А. Идеологема «иностранный агент»: три дня в августе 2012 г. // Политическая лингвистика. 2012. № 3 (41). С. 47.

новый жизненный мир – свой уголок «гиперреальности» – целых социальных сообществ (и тем, кто еще помнит о чем-то из исходной реальности, остается только вопрошать: «Где же ты, Бодрийяр, чтобы объяснить нам ситуацию с «Боингом» и Украиной?»⁶). Именно поэтому в поисках средств защиты от социальных манипуляций предлагается, в качестве одного из главных принципов, отказ от языка, на котором инициатор коммуникации ведет изложение, попытка «пересказать то же самое ... в абсолютных понятиях, которые можно перевести в совершенно земные осязаемые образы – хлеб, тепло, рождение и смерть»⁷; проблема в том, что как раз термины архетипического уровня и оказываются наиболее эмоционально нагруженными, а потому особо конструктивными в формировании социальных установок.

Следующей универсальной тенденцией функционирования языка в период социальной трансформации является разрушение демаркации языковых контекстов. В периоды устойчивого развития официальная лексика и молодежный жаргон, профессиональная и общепотребительная терминология, языковые средства формального и неформального общения и т.д. занимают достаточно определенные ниши в коммуникационных потоках и четко разграничиваются. В периоды социальных трансформаций возрастает социальная мобильность, становятся релятивными нормативные системы, смешиваются ранее мало соприкасавшиеся социальные группы, происходит маргинализация значительного количества социальных субъектов, люди оказываются в непривычных для себя обстоятельствах и вынуждены применять жизненные стратегии, ранее даже не рассматривавшиеся ими в качестве собственных. Языковые потоки устремляются вслед за перемещениями групп в социальной структуре, и границы между сферами употребления соответствующей лексики нарушаются, в конечном счете почти полностью исчезая.

Можно выделить несколько составляющих в этом процессе разрушения демаркационных линий в современном русском языке. Прежде всего это стремительно возрастающее количество заимствований из других языков, связанное, разумеется, с расширением культурных контактов, но одновременно обнаруживающее новую тенденцию: если традиционно такие заимствования чаще всего были связаны с освоением новых инструментов, практик, культурных форм, то в рамках социальных трансформаций все более распространяется ренейминг – использование иностранного слова при наличии его русского аналога, призванное подчеркнуть произошедшую смену контекста (таковы, например, названия многих видов деятельности – мерчендайзинг, рекрутинг, клининг).

---

⁶ Экзистенция // <http://exsistencia.livejournal.com/17029.html> [Дата доступа 21.02.2016].

⁷ Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2007. С. 173.

При этом в русский язык проникает из других не только лексика, но и интонации, темп речи, ритуальные формулы коммуникации, что также существенно влияет на размывание традиционных языковых стандартов.

Далее, это выход лексических средств, ранее обеспечивающих достаточно замкнутые социальные подсистемы, в сферу общего словоупотребления. Как отмечает М. Кронгауз, за последние десятилетия русский язык пережил как минимум три волны такой экспансии – «бандитскую, профессиональную и гламурную»⁸, т.е. периоды массового освоения соответствующей лексики. При этом с исчезновением соответствующих жизненных реалий (например, атрибуты «бандитских 90-х») в чистом виде связанные с ними языковые явления далеко не обязательно исчезают; они трансформируются, вырастают в новые слои культуры (например, «откат» становится уже не бандитским, а чиновничьим словечком), поддерживают соответствующие им формы социального взаимодействия («наехать» на кого-то сегодня могут и утонченные студентки, и соседки-пенсионерки, и едва ли не дети в детском саду). Предельным случаем выхода первоначально узкофункциональной лексики далеко за собственные границы является ее использование официальными властными структурами (например, слово «беспредел», когда-то означавшее исключительно произвол лагерной администрации по отношению к заключенным, стало одним из излюбленных выражений представителей российского Министерства иностранных дел). Сознательное и, безусловно, продуманное «точечное» использование первым лицом страны такой лексики в публичных выступлениях свидетельствует о ее принятии в качестве собственной самой широкой аудиторией.

Своеобразным ответвлением «бандитской волны», получившим после ее спада даже некоторое развитие, стало распространение в сфере социального общения обценной лексики, которая в российской культурной традиции была четко ограничена рядом культурных запретов: она не использовалась в публичной речи, в письменной речи, в коммуникации между представителями различных по статусу социальных групп (например, традиционно ограничивалось ее использование мужчинами в присутствии женщин, взрослыми детьми в присутствии родителей, и т.д.; запреты поддерживались спонтанной открытой реакцией окружающих на их нарушение). В период перестройки табуирование обценной лексики в художественном творчестве и массовых коммуникациях во многом было снято, и восстановление официальных запретов впоследствии оказалось не способно с такой же легкостью восстановить соответствующие нормы на уровне массового сознания – хотя профессиональные эксперты отмечали, что

---

⁸ Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак: Языки славянских культур, 2007. С. 14.

выразительность этой лексики была тесно связана с ее запретностью и во многом оказалась утраченной в результате разрушения ограничительных культурных барьеров⁹.

Вполне нормативным на сегодняшний день продолжением «профессиональной волны» является стирание ограничений на использование узкоспециальной терминологии в обращениях к массовой аудитории. Так, утвердилось в качестве принятого стиля письма активное употребление профессиональной лексики в материалах СМИ, прежде всего на экономические и политические темы (брифинг, саммит, девальвация, монетизация), а также свободное использование максимально усложненной спортивной терминологии, в том числе далеко не общеупотребительной, в спортивной журналистике и комментариях. Рискнем предположить, что граничит с этой тенденцией и осуществляемое в художественной литературе расширение границ языка, введение в тексты, в соответствии с их предметной направленностью, диалектной и / или исторической лексики в большом количестве (что обычно высоко оценивается профессиональным литературным сообществом). В результате в современной коммуникации адресат систематически находится в состоянии «неполного понимания», осознавая, что улавливает не все содержание сообщения, и принимая именно этот уровень коммуникационного взаимодействия.

Текущей вариацией «гламурной волны» является распространение молодежного стиля общения и молодежного сленга далеко за пределами собственно молодежной аудитории. Декларируемый культ молодости, априорный приоритет каждого нового поколения в целом характерен для техногенного цивилизационного типа, ориентированного на инновации, и особенно усиливается в периоды социальных трансформаций, поскольку на фоне социальных перемен объективно обесценивается накопление жизненного опыта и возрастает разрыв в уровне приспособленности разных поколений к меняющимся социальным условиям. Эталон гламурности оказался катализатором формирования языковых средств, поддерживающих и интенсифицирующих этот социальный стереотип. К его проявлениям можно отнести использование молодежного жаргона в публичной речи журналистов, политиков, общественных деятелей; явление моды на оценочные выражения (когда, например, слово «круто» в качестве универсальной позитивной оценки повсеместно замещается в массовой речи словом «прикольно», которое еще через год будет заменено еще чем-нибудь, вплоть до «вау»); распространение молодежных форм обращения (например, «глянцевые»

---

⁹ См., например: Вайль П., Генис А. Советское барокко // Вайль П., Генис А. Собр.соч. в 2-х тт. Т. 2. Екатеринбург: У-Фактория, 2003. С. 417 – 418.

журналы всегда обращаются к читателю на «ты», то же делает и реклама: «Ты молодец, тебе удастся!»).

Примечательно, что такое разрушение всех языковых барьеров по-разному воспринимается людьми разного возраста: поколение, выросшее в условиях социальной трансформации, его практически не замечает, воспринимая как нормальную в силу привычности языковую практику. Тот же М. Кронгауз отмечает, что люди моложе 25 лет плохо понимают языковые игры, основанные на смешении стилей, доставлявшие столько удовольствия читателям советской андерграундной литературы¹⁰.

И наконец, закономерным следствием трансформации языка в рамках трансформируемого общества является возникновение в нем «пробелов», т.е. ситуаций отсутствия общепринятых лексических средств для обозначения некоторых объектов и осуществления определенных коммуникативных действий. На фоне существенного изменения социальных норм или параллельного функционирования различных норм такие явления возникают закономерно. Примером может служить недостаточность существующих в современном русском речевом этикете нейтральных слов-обращений к незнакомому человеку и разнородной аудитории. Традиционные российские обращения целенаправленно замещались в советский период новыми языковыми формами, и после отказа от них старые формы, не трансформировавшиеся естественным образом в развитии культуры, пока так и не стали полностью органичными.

Таким образом, ряд языковых процессов, которые зачастую оцениваются и обсуждаются как нарушения норм литературного языка, требующие культурно-просветительской коррекции, при ближайшем рассмотрении оказывается закономерным проявлением социальных трансформаций на языковом уровне. Возможность их преодоления напрямую зависит от перспективы вступления общества в фазу устойчивого развития. При задержке же социального развития на длительный срок в фазе транзита эти явления обещают стать новыми нормами функционирования языка.

Список литературы

1. Вайль П., Генис А. Советское барокко // Вайль П., Генис А. Собр.соч. в 2-х тт. Т. 2. Екатеринбург: У-Фактория, 2003. С. 273 – 505.
2. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2007. 176 с.
3. Кассирер Э. Техника политических мифов // Октябрь. М., 1993. № 7. С. 153 - 164.

---

¹⁰ Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак: Языки славянских культур, 2007. С. 75.

4. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак: Языки славянских культур, 2007. 145 с.
5. Купина Н. А. Идеологема «иностранный агент»: три дня в августе 2012 г. // Политическая лингвистика. 2012. № 3 (41). С.44 – 48.
6. Мартишина Н. И. Категория конструирования: за пределами технической интерпретации // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. Вып. 25. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2011. С. 25 – 31.
7. Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии // Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. С. 5 – 91.
8. Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 259 – 265.
9. Экзистенция // <http://exsistencia.livejournal.com/17029.html> [Дата доступа 21.02.2016].